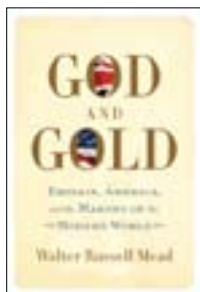

Атлантические идеологии

Кис ван дер Пийль

WALTER RUSSELL MEAD.
*God and Gold: Britain,
America and the Making of the
Modern World.* New York, NY:
Alfred A. Knopf, 2007. 449 p.¹

KEES VAN DER PIJL. Atlantic Ideologies.
New Left Review. March–April 2008, no. 50,
p. 147–155.
Перевод с английского АРТЕМА Смирнова.

¹ Уолтер Рассел Мид. Бог и золото: Британия, Америка и сотворение современного мира.

² Уильям Грэм (род. в 1918 г.) — известный американский баптистский проповедник, «духовный советник» многих американских президентов, названный Джорджем Бушем-младшим «пастором всей Америки». — Прим. перев.

Задача Мида как сотрудника Совета по международным отношениям состоит в том, чтобы обрисовывать возможные направления политики Соединенных Штатов в мире. Такая разработка политики не ведется изолированно; Совет по международным отношениям связан со многими транснациональными органами вроде Бильдербергских конференций, Всемирного экономического форума и Трехсторонней комиссии, не считая многочисленных фондов и советов попечителей, которые спонсируют отдельные проекты. Работы Фукуямы и Хантингтона финансировались вездесущим Фондом Олина, этим оплотом рейгановской революции со связями в военных и военно-промышленных кругах, и перед тем как задаваться вопросом о том, насколько корректно Фукуяма обращается с Гегелем, а работы Хантингтона отвечают требованиям историографической точности, необходимо упомянуть, что Фукуяма пользовался поддержкой корпорации РЭНД, а Хантингтон — Фонда Смита-Ричардсона, еще одного столпа американских правых.

В качестве спонсоров «Бога и золота» выступают Форум Пью по религии и общественной жизни, Фонд Вудкока и Фонд Генри Льюса. И точно так же как в свое время Джон Локк обсуждал сначала свои идеи с лордом Шефтсбери, так и Мид использовал в своей работе мысли Джорджа Сороса и многих других, о чем недвусмысленно свидетельствуют раздел «Благодарности», а также его идеи по поводу «открытого общества». Но семейство Пью из Филадельфии занимает совершенно особое место. Это фундаменталистские пресвитериане, которые сколотили свое состояние в основном за счет нефти, и они принадлежат к числу основных сторонников американских правых. Но, несмотря на это, их устойчивый интерес к религии со временем менялся, и подход Мида к этой теме совершенно не согласуется с тем, что эта семья привыкла слышать от Билли Грэма². Результаты, полученные Исследовательским центром Пью, показали, что вторжение в Ирак привело к резкому росту симпатий к бен Ладену в мусульманском мире, вызвав неприятие англо-американской «войны с террором», о чем неоднократно говорится в этой книге.

Со времен Уолтера Липмана изложение стратегических рекомендаций в форме бестселлера неизменно использовалось для того, чтобы вызвать как можно более широкий отклик. «Бог и золото» тоже является популяризованной версией определенного послания. Названия глав, вроде «Златовласка и Запад», «Морж и плотник» — Британия и Америка, патрулирующие бере-

га своей «морской либеральной империи», — «Гироскоп и пирамида» и т. д., передают дух работы. Такие заимствования из Льюиса Кэрролла и другой классической литературы для детей не всегда помогают прояснить стратегические измерения анализируемых социальных сил, и они не всегда стилистически согласуются с обширными цитатами из Мильтона, Драйдена, Лонгфелло и других, при помощи которых автор пытается ухватить суть анализируемых им англосаксонских идеалов. Отправной точкой для Мида служит фраза из выступления Кромвеля перед парламентом (1656): «Кто наши враги и почему они нас ненавидят?» Он полагает, что «ненужная и непродуманная война в Ираке» «серьезно ослабила» поддержку атлантического альянса. Политическая глухота Буша и Блэра, «высокопарно рассуждающих о правах личности, достоинстве, либеральной экономической политике, необходимости широких революционных преобразований в арабском мире и универсальных принципах морального закона», лишь усугубила положение:

Морская система имеет интересы, которые требуют продолжения и даже усиления участия Соединенных Штатов в делах Ближнего Востока, но исторические отношения морской системы с арабами существенно осложняют такое участие. Невозможно двигаться дальше без глубокого знакомства Соединенных Штатов с арабским миром, и этого знакомства не произойдет, если плотник не научится говорить меньше, а слушать больше.

Советуя снизить градус воинственной риторики, Мид обращается к работам Нибура, которого Джордж Кеннан, архитектор стратегии сдерживания времен холодной войны, объявил «нашим общим отцом». Именно благодаря нибуровскому понятию греха, полагает Мид, евангелистские христиане могут стать частью критической массы, которая позволит совершить необходимый поворот в американской внешней политике. В своем классическом «Моральном человеке и аморальном обществе» (1932) Нибур утверждал, что, присягая на верность группе, люди делают более подверженными «греху», чем тогда, когда они действовали и думали самостоятельно. Возможно, эта точка зрения во многом определялась государственно-корпоративским дрейфом и внешней политикой межвоенных лет, но на начальном этапе холодной войны она могла использоваться для сдерживания притязаний Запада на собственную правоту, способных привести к ядерному столкновению. С точки зрения Мида, Нибур считал, что «чем больше и величественней абстракция, тем слабее наше критическое отношение к ней и тем меньше наша готовность признавать правоту заявлений тех, кто принадлежит к соперничающим лагерям».

Область религии вовсе не застрахована от развития глубокого самодовольства, но, с точки зрения Мида, наиболее влиятельный сегмент религиозного мнения в Со-

единенных Штатах, евангелистские протестанты, обладает «весом и способностью для создания важного нового массового общественного мнения, отвечающего идеалам Нибура». По мере того как это движение набирало все большие обороты на протяжении последних десятилетий, из его рядов выдвинулись более зрелые и ответственные ин-

К. М. ЗДАНЕВИЧ. Городской пейзаж. 1944

теллектуалы; такие фигуры способны внести свой вклад в широкую коалицию, которая послужит основой для перехода от либерально-имперского фанатизма к новой политике, признающей обоснованность заявлений исламских интеллектуалов, что на протяжении всей истории нового и новейшего времени их общества подвергались империалистическому гнету и агрессии. Мид вкратце излагает историю отношений христианского и мусульманского мира, приводя некоторые отрезвляющие факты. После ухода Османской империи с Балкан в 1912–1920 годах две трети мусульманского населения региона — 27% всего населения — были изгнаны оттуда или просто истреблены; каждый пятый турок сегодня — потомок беженцев с Балкан. Начиная с крестовых походов арабы, турки и мусульмане вообще служили мишенью для Запада: «в мусульманском мире не было и нет ни одного уголка, в котором можно было бы укрыться от грубых и жестоких нападок». Но этот исторический очерк Мида, по-видимому, заканчивается 1924 годом. О судьбе палестинцев не говорится ни слова, хотя этот вопрос сегодня стоит куда более остро, чем падение Османской империи. Почти совсем замалчивается тема безоговорочной поддержки со стороны Соединенных Штатов израильской оккупации и заселения западного берега реки Иордан, а самое сильное прилагательное, которое он решается употребить по отношению к политике Израиля, — это «небезупречная». В результате в целом бойкое повествование Мида в этом чувствительном вопросе скатывается к эвфемизмам: «Нам нужно понять, что наша поддержка Израиля влияет на то, как арабы истолковывают американские мотивы и действия», — говорит он, и это по-

казательный пример уклонения от неприятных реалий палестино-израильского конфликта, сводящий на нет все его призывы к нибуровскому «пониманию» исламского мира как лучшему способу поддержания структур англо-американского мирового господства, гарантии сохранения морской системы.

Каковы отличительные особенности этой системы? Государства, образующие англоговорящий Запад (как говорится в предисловии к британскому изданию), не обязательно действуют в унисон, но, как правило, «приходят к схожим, если не одинаковым выводам относительно того, что именно нужно делать» в долгосрочной перспективе: «Начиная со Славной революции 1688 года, которая установила парламентское и протестантское правление в Британии, во всех крупных конфликтах англоамериканцы были на стороне победителей». Махейское видение, при котором такие войны начинались и велись, раскрывается здесь во всей красе. Заявление Вудро Вильсона, сделанное в 1918 году накануне переговоров в Версале, что «по миру несет ураганый ветер моральной силы и всякий, кто осмелится пойти против него, будет покрыт несмываемым позором», в чем-то перекликается с сегодняшней предвыборной кампанией Обамы. Но, как справедливо отмечает Мид, эти заявления об окончательном духовном очищении, которое несут с собой войска Соединенных Штатов и их союзников, вряд ли способны создать прочный мир. Торжественные заявления о «конце истории» всякий раз оказывались преждевременными из-за появления новых вызовов. Тем не менее благодаря своей способности к приспособлению англоговорящий Запад всегда возвращал себе инициативу, и главная цель «Бога и золота» состоит в объяснении того, почему это было так.

Согласно Миду, именно способность всякий раз заново переписывать рабочую версию вечной истины, отвечающую меняющимся обстоятельствам, позволила либеральному атлантическому миру сохранять свою гегемонию, несмотря на существование противников, которые придерживались более жестких принципов. Будет ли эта способность утрачена в «войне с террором», которая подавляет всякое несогласие в ведущих англофонных обществах, покажет время. Но в каком-то смысле книга Мида служит свидетельством неизменной способности оправляться от политических провалов: на сей раз речь идет о фиаско Буша и Блэра в Афганистане и Ираке, Гуантанамо и Белмарше. Центральный раздел книги, «Англосаксонский подход», показывает происхождение этой способности переходить от почти полного поражения к преобладанию. Здесь в дело вступает Бог, который в удивительно «действенной» манере позволяет своим самым верным сторонникам проявлять гибкое отношение к собственной вере. И если в англофонном обществе и действует фундаментализм, то он состоит в прагматической интерпретации самых священных запретов, а не в их строгом соблюдении. Мид говорит о христианстве, но речь, несомненно, идет

о намного более широком мировоззрении. Миф и религия вместе с поэзией и теорией представляют собой идейную надстройку над инстинктивным базисом. Без них человеческое общество не смогло бы перейти от примитивных влечений к солидарности и преемственности. Религия (в определении Анри Бергсона, которое берет на вооружение Мид) может действовать в закрытом обществе как

статичный свод правил или в открытом обществе как часть аппарата, который позволяет его членам приспособиться и меняться.

В современной истории попперовское открытое общество было обществом, сформированным капитализмом. И точно так же как капиталистическому способу производства предшествовала купеческая деятельность в городах-государствах северной Италии и торговых сетях Ганзейского союза, так и открытое общество имело своих предшественников. «Но форма открытого общества, которое появилось в Нидерландах и англоговорящем мире, была более здоровой, широкой и устойчивой в сравнении с открытыми обществами более ранних исторических эпох». Это было связано с распространением в них капитализма и нашло

свое отражение в том, что Бергсон назвал динамической религией. Хотя открытое общество должно было породить Просвещение, а Просвещение в свою очередь привести к секуляризации, парадоксальным образом «страны, которые в большинстве отношений были наиболее модернизированными, то есть по определению опирались на экономический и технический прогресс — Британия в XIX веке, Соединенные Штаты сегодня, — были намного религиознее большинства остальных». Кроме того, англоязычное благочестие всегда сосуществовало со скептицизмом и историческим релятивизмом, начиная с Закона о супрематии, в соответствии с которым в 1534 году было образовано Объединение англиканских церквей. И его первый архиепископ, Томас Кранмер, выразил эту мысль, заметив, что «среди всего придуманного или созданного людьми не было ничего, что с веками и течением времени не подверглось бы порче». Поэтому, по словам Мида, «пять веков в англосфере в творческом напряжении сосуществовали две идеи. С одной стороны, Бог существует и проявляет свое отношение к моральным правилам и религиозным доктринам людей; с другой стороны, человеческое понимание этих проявлений остается частичным и подверженным изменениям».

И это могло бы быть рецептом длительного успеха, если бы ему следовали хладнокровно и не портили его идеей об англосаксах как об избранном народе. Так, министр финансов в администрации Полка заявлял, что, несмотря на любые препоны, в конце концов «превосходство нашей англо-кельтско-саксонско-норманской расы приведет народы к великой конфедерации, которая в конечном итоге охватит всю Землю». Но даже тогда, как утверждает Мид в главе «Протоколы гринвичских мудрецов», несмотря на наличие неких узнаваемых общих принципов, ни о каком четком генеральном плане не могло быть и речи.

К. М. Зданевич. Эскиз обложки. ПУБЛИКУЕТСЯ В ПЕРВЫЕ

Получилось так, что, просто следуя логике своей географии, культуры и общества, британцы, а затем и американцы получили в свои руки бразды правления миром, для которого требовалась гибкая и долговременная форма глобальной власти, и в отличие от других ведущих держав они были намного лучше подготовлены к выполнению этой задачи.

Эти другие державы могли лишь отвечать с завистливой злобой, замешанной на обиде и разочаровании. В самой сырой части книги, главе под названием «Как они нас ненавидят», Адольф Гитлер и «Карл Маркс, Шарль Бодлер и папа римский Пий IX» оказываются сваленными в одну кучу, образуя нестройный антизападный хор, а Мартин Хайдеггер, какое-то время завершавший свои письма словами «Neil Hitler!», преподносится в качестве одержимого антиамериканца. И это сделало его (Хайдеггера) «весьма популярным среди западных коммунистов» (благодаря усилиям Жан-Поля Сартра), а затем и у «новой волны на мусульманском Ближнем Востоке у тех, кто считает его принципиальный антиамериканизм полезным инструментом». И так далее, причем все преподносится в такой манере, будто это общеизвестные вещи, не требующие никаких ссылок на источники.

В результате складывается ощущение, что англоговорящее общество оставалось необычайно последовательным в прагматичном понимании своего священного предназначения. В сравнении с его рабочими принципами даже самые изощренные его противники казались ископаемыми и безнадежно застрявшими в прошлом. Слово предвосхищая открытия современной физики, разделение между меняющимися поверхностными явлениями, наблюдение которых зависит от способа измерения, и более глубокой реальностью, которой удается ускользнуть, оставаясь по-настоящему непознанной, исторически служило отличительной чертой англоговорящего мышления. В своей деятельности капитализм опирается как раз на такую двухслойную структуру: головокружительное пересечение новаторских, внешне анархичных действий, направленных на достижение конкурентных преимуществ, скрывает ряд основополагающих правил, которые остаются неизменными. Приводимый Мидом пример того, как разведение креветок ведет к уничтожению мангровых болот Юго-Вос-

точной Азии ради удовлетворения ненасытного американского спроса и в конечном итоге к самоуничтожению, свидетельствует, скорее, об общей иррациональности субъективной, руководствующейся потребностями рынка рациональности, хотя автор и не заходит в своих выводах так далеко.

Политическая культура англоговорящего общества также не имеет ничего общего с чем-то постоянным и неизменным; она действует почти невесомо, будучи «совокупностью политических ценностей, способной вмещать в себя противоположные интересы, не приводя при этом к взрыву». Партийная система, которая служит внешним проявлением такой культуры, всего лишь задает условия для достижения устойчивой гибкости. «Классовая напряженность может ослабляться и смягчаться; после „позолоченного века“ „баронов-разбойников“ прогрессивный подоходный налог, отвечавший воле большинства, позволил восстановить социальное равновесие». Ни одно соперничающее государство, пытающееся сравниться с Западом и насаждающее для этого централизованную власть, не способно справиться с таким отсутствием принципиальной линии.

И вновь автор не поясняет, что за этими поверхностными явлениями лежит классовая структура, во многом неизменная в своих определяющих чертах, которая как раз и составляет основополагающую реальность. Когда вскоре после заявления Мида о том, что «крупные англофонные страны имеют развитые и гибкие финансовые рынки, позволяющие обеспечить необычайное процветание», в них разразился финансовый кризис, это вряд ли можно считать случайностью. Вопиющее разложение глобального обращения денежного капитала с центрами на Уолл-стрит и в Сити, которое обнажил кризис, нельзя больше связывать с необдуманной политикой ипотечного кредитования. Существуют внутренние структурные противоречия, о которых более критично настроенные авторы говорили начиная с 1980-х годов. И в этих условиях — при сочетании финансового кризиса, стремительной эрозии геополитического превосходства англоговорящего Запада и грядущей экологической катастрофы — недостатки сценария, предлагаемого «Богом и золотом», могут стать вполне очевидными. Но если основная идея Мида верна, Западу вскоре будут предложены и другие альтернативы. ■

УОЛТЕР РАССЕЛ МИД — ВЕДУЩИЙ АНАЛИТИК АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ (США), ИСТОРИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВЛИЯТЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТ, ПРИДЕРЖИВАЮЩИЙСЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

БИБЛИОГРАФИЯ

Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World. New York: Alfred A. Knopf, 2001 (Особая проницательность: американская политика и как она изменила мир).
Power, Terror, Peace and War: America's Grand Strategy in a World at Risk. New York: Alfred A. Knopf, 2004 (Сила, террор, мир и война: опасная большая стратегия Америки в мире).

КНИГИ И СТАТЬИ, УПОМЯНУТЫЕ В РЕЦЕНЗИИ

Избранные труды Ричарда Нибура и Рейнхольда Нибура. М.: Юрист, 1996.
 Фрэнсис Фукуяма. *Конец истории и последний человек.* М.: Ермак, АСТ, 2005.
 Самюэль Хантингтон. *Столкновение цивилизаций.* М.: АСТ, 2007.
 THOMAS FRIEDMAN. *Contending with China.* *New York Times*, weekly selection with *Le Monde*, 18 November 2006.